

принимая и совершенствуя законодательные акты, которые призваны закрепить за турецкой женщиной её основные права. И всё же, необходимо продолжить проведение реформ, чтобы исключить дискриминационные положения, всё ещё сохраняющиеся в основных законах страны, а также укрепить институциональный потенциал национальных структур, занимающихся вопросами улучшения положения женщины.

Литература

1. Turkey. Woman in development / A World Bank country study.- Washington, 1993. P. 87–92
2. Гендерное равенство в современном мире: роль национальных механизмов / Отв. ред. и сост. О.А.Воронина. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 768 с.
3. Ульченко, Н.Ю. Исламская традиция, феминизм и положение женщин в современной Турции // Ислам и политика (взаимодействие ислама и политики в странах Ближнего и Среднего Востока, на Кавказе и в Центральной Азии). - М., 2001. - С. 327–338.
4. Сравнительно-исторический анализ положения городских и сельских женщин Турецкой Республики (современный период) / Адаян Т.А. // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2012. - №4. – С. 13-21.
5. Шахинлер, М. Кемализм: зарождение, влияние, актуальность / пер. с фр. о. А. Власовой. - М.: Моск. писатель, 1998. - С. 136–137
6. Конституция Турецкой Республики: [Принята на всенародном голосовании 7 ноября 1982 года]. – Режим доступа: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Turkey&language=r> . – Дата доступа: 20.04.2015.

Повести «Смутного времени»

Серегова А.С., 3 курс, исторический факультет, БГПУ;
науч. рук. – канд. ист. наук, доцент С.А.Толмачева, БГПУ

События начала XVII столетия, получившие названия «смуты», нашли отражение в литературе. «Смута» или «смутное время» - это глубокий духовный, экономический, социальный, и внешнеполитический кризис, постигший Россию в конце XVI – начале XVII века. В сказаниях, повестях, житиях, связанных с этой эпохой, авторы отразили патриотический подъем, вызванный борьбой с иноземными интервентами. Главную роль в литературе XVII века занимали произведения исторической тематики. Особенно noteworthy литературой этого периода была яркая публицистичность.

Среди повестей, отразивших интересы правящих боярских верхов, можно выделить «Повесть 1606 года». Это публицистическое произведение было создано монахом Троице-Сергиева монастыря и состоит из трех самостоятельных частей: 1) «Иное сказание о самозванцах» (или кратко «Иное сказание») охватывает события царствования Бориса Годунова, Лжедмитрия, Василия Шуйского; 2) Вторая часть самостоятельно продолжает первую. Она посвящена царствованию Василия Шуйского и последующим событиям. Конец второй части связан с очищением Москвы в декабре 1612 года и воцарением Михаила; 3) Третья часть создана в виде летописи и рассказывает о царствовании Михаила Федоровича. «Повесть 1606 года» ещё соблюдает условные и директивные формы изображения действительности, тем самым сглаживая острые углы и прикрывая их эвфемистической фразеологией. Но в то же время в «Повести 1606 года» присутствуют отклонения автора от этого принудительного канона. Уже ощущается сознательное отношение к литературному искусству, наблюдается склонность к психологическому анализу, автор расширяет по своему индивидуальному почину сферу художественного воздействия [1, с. 26-47].

Особого внимания заслуживает «Новая повесть о преславном Российском царстве и Великом государстве Московском», написанная в декабре 1610 г. или в январе 1611 г., когда Москва была занята польскими войсками, а Новгород захвачен шведскими феодалами. Повесть относится к произведениям русской демократической литературы. Произведение отражает переживания патриота, который страдает при виде бедствий, постигших его Отчизну. Автор призывает активно действовать против захватчиков, хватываясь, повествуя о подвиге смельчан, борющихся и обороняющих свой город. Повесть написана энергичным языком с патетическим призывом [2, с. 189-209].

Ещё одной популярнейшей повестью «смутного времени» является «Сказание Авраамия Палицына». Авраамий Палицын был одним из самых известных церковно-политических деятелей своего времени. «Сказание» дошло до нашего времени в виде списков и частями, входившими в Хронографы. Оно заключало в себе 77 глав – «История в память предыдущим родом», также известно еще два варианта ранних редакций первых шести глав. Действие разворачивается от смерти Ивана Грозного до начала правления Василия Шуйского. Затем описана осада Троице-Сергиевой обители. Именно подвиг защитников монастыря и вдохновил Авраамия Палицына на создание этого произведения. Далее речь идет о разорении и освобождении Москвы и об избрании Михаила Федоровича на русский престол. Произведение показывает, как русские люди сопротивляются вражескому нашествию, какой при этом они проявляют героизм, жертвуя своими жизнями.

«Летописная книга» также относится к повестям «Смутного времени». Она датируется 1626 г. и приписывается Катыреву-Ростовскому. Произведение посвящено событиям начала века и борьбе русского народа против польско-шведских интервентов. «Книга» была направлена на укрепление авторитета династии Романовых, которые только начали свое правление. Начало повести посвящено последним годам царствования Ивана Грозного, далее показаны события до избрания на престол Михаила Романова. «Летописная книга» на первый план выдвигает личности правителей и других людей, имевших высокое положение. Повесть отходит от одностороннего изображения человека. В исторические повествования вносятся пейзажные зарисовки, которые служат фоном для происходящих событий [3, с. 273].

Произведения периода смутного времени продолжают развивать традиции исторической повествовательной литературы, отражают рост национального самосознания. Повести начала XVII века уже говорят о народе, о его участии в борьбе за независимость своей родины. Это, в свою очередь, определяет повышение интереса к человеческой личности. События «Смуты» вызвали ряд существенных изменений в общественном сознании. Усилилась роль торгово-ремесленного посадского населения в общественной, политической и культурной жизни. Усиление роли посада в культурной жизни влечет за собой демократизацию литературы, ее постепенное освобождение от провиденциализма, символизма — ведущих принципов русской средневековой литературы. Все это свидетельствует об усилении процесса «обмирщения» культуры и литературы, т. е. ее постепенном освобождении от опеки церкви, религиозной идеологии.

Литература

1. Известия Академии наук СССР. Отд. литературы и языка / под ред. И. И. Мещанинова (отв. ред.) [и др.]. — М.: Изд-во АН СССР, 1946. — Т. V.
2. Дробленкова, Н.Ф. Новая повесть о преславном Российском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность / Н.Ф. Дробленкова; Акад. наук СССР. Ин-т русской литературы (Пушкинский дом). — М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1960. — 239 с.
3. Платонов, С. Ф. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI — XVII вв.: опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время / С.Ф. Платонов. — СПб.: Наука, 2013. — 398 с.

О проблемах варваризации информационного пространства современной РФ

Сечин Е.В., 2 курс, исторический факультет, АГПА;
науч. рук. — кандидат исторических наук, доцент Д.А. Волошин, АГПУ (Российская Федерация)

Проблема варваризации информационного постсоветского пространства — лишь частность одной фундаментальной проблемы, именуемой «цивилизационное варварство». Последнее относится к числу феноменов, к настоящему времени очень слабо исследованных. И связано это не в последнюю очередь с тем, что такого рода варварство имеет слишком много проявлений и выражений, подчас подспудных.

Современный мир (частью которого РФ, несомненно, является) существует в принципиально новых условиях: когда «культура, психология, социальная жизнь и экономика формируются под воздействием техники и электроники, особенно компьютеров и коммуникаций» [1. С. 102]. Информация в современном мире значит так много, что ее сила и действенность не может вызывать сомнения. Не подлежит сомнению, впрочем, и ее разрушительный потенциал: ведь «информационное варварство» запускает так называемую «обратную селекцию», когда преимущества получают отнюдь не лучшие; его лозунги самые примитивные, ориентированные даже не на менталитет толпы, а на стадный инстинкт. Суждения в потоке подобного рода информации априорны, на них не действуют доводы разума; под ее длительным воздействием у реципиентов напрочь теряется способность рационально оценивать ситуацию.

Варваризация информационного пространства — процесс фактически повсеместный, разница лишь в его региональной специфике. Не миновала эта напасть и современное российское общество, попавшее в сложнейшую ситуацию — так и не вступив в постиндустриальный фазис, оно в полной мере вкусило все издержки общества информационного. Парадоксально, однако это факт: объем информации (не всегда хорошей, но обязательно — разной) явно превышает пищеварительные возможности нашего общества.

В. Ларионов по этому поводу пишет: «С сожалением нужно признать, что большинство наших современников уже не способны воспринимать священные понятия и идеалы не только духовно, но и психологически. За рекордно короткий период масса русского населения прошла важнейшие ступени контроэволюции: от человека духовного — через человека разумного — до человека неразумного...» [2. С. 365].

Российский тип «информационного варварства» противостоит информированию, хотя активно пропагандирует себя именно в качестве такового. Все его усилия, направленные на «исправление» «неправильной» информации, генерируемой то ли оппонентами, то ли партнерами с Запада, — уме-